

УДК 394.21:81'28(470.61+470.45)

DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-1

Власкина Н. А.

Пасхальные яйца в обрядовых действиях,
игре и говорах донских казаков*

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, д. 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация; nvlaskina@gmail.com

Аннотация. Статья нацелена на выявление и анализ обрядовых и игровых практик с использованием пасхальных яиц, а также связанной с ними культурной терминологии в донской казачьей традиции и написана на материале диалектологических и этнолингвистических экспедиций ЮФУ – ЮНЦ РАН 1983–2023 гг. Исследование выполнено с применением описательного, сравнительного и этнолингвистического методов. Особый акцент делается на детальной характеристике выбранного фрагмента праздничных традиций на всей территории бывшей Области войска Донского. В статье последовательно рассмотрены: окрашивание яиц, яйца в пасхальной трапезе, обрядовых действиях на кладбище и в пространстве станицы, разновидности пасхальных игр и их терминология: разбивание яиц, катание и сбивание одним яйцом одного или нескольких на ровной и наклонной плоскости, попадание яйцом в лунки, поиски спрятанного яйца; обрядовые действия с пасхальными яйцами после окончания праздника. Делаются выводы о хорошей сохранности ритуальных и повседневных практик с использованием пасхальных яиц, в том числе архаического катания яиц по могилам. Собранные языковые и этнографические сведения о пасхальных играх позволяют проследить языковые и исторические связи донского населения и жителей других южнорусских регионов: Воронежской, Курской, Рязанской губерний, Кубани, в то же время предоставляя материал для сопоставления традиций юга и северо-запада России.

Ключевые слова: донские говоры; донские казаки; обрядовая терминология; Пасха; пасхальные яйца

Для цитирования: Власкина Н.А. Пасхальные яйца в обрядовых действиях, игре и говорах донских казаков // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 4. С. 115-128. DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-1

* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, номер государственной регистрации проекта 122020100347-2.

N. A. Vlaskina

**Easter eggs in the dialect, games, and ritual actions
of the Don Cossacks[†]**

Southern Scientific Centre (Federal Research Centre) of the Russian Academy of Sciences,
41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; *nvlaskina@gmail.com*

Abstract. The author identifies and analyzes ritual and gaming practices in which Easter eggs are used, as well as related cultural terminology in the Don Cossack tradition. The sources of the article are primarily the data from dialectological and ethnolinguistic expeditions of the Southern Federal University and the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (1983-2023). The author uses descriptive, comparative, and ethnolinguistic methods to carry out her research, with a special emphasis placed on a detailed description of the subject throughout the territory of the former Don Host Oblast. The article consistently examines the following topics: coloring of eggs, including eggs in the Easter meal; ritual actions with eggs in the cemetery and in the space of the village; types of Easter games and their terminology: breaking eggs, rolling and knocking down one or more eggs with another egg or a ball on a flat or inclined plane; hitting the eggs in the holes, as well as searching for a hidden egg; ritual actions with Easter eggs after the end of the holiday. Conclusions are drawn about the good preservation of ritual and everyday practices using Easter eggs, including the archaic rolling of eggs on graves. The collected linguistic and ethnographic information about Easter games allows the author to trace the linguistic and historical connections of the Don population and residents of other southern Russian regions: Voronezh, Kursk, Ryazan provinces, and the Kuban region, while at the same time providing material for comparing the traditions of the south and north-west of Russia.

Keywords: Don Cossacks; Don dialect; Easter; Easter eggs; ritual terminology

For citation: Vlaskina N. A. (2023), "Easter eggs in the dialect, games, and ritual actions of the Don Cossacks", *Research Result, Social Studies and Humanities*, 9 (4), 115-128, DOI: 10.18413/2408-932X-2023-9-4-1-1

Введение

В православном календаре Пасха – это главный годовой праздник. Как говорили собеседники в ст. Митякинской в

2003 г.¹, «превыше Паски нет». Практически все проведенные автором этнографические интервью о ритуальном годе донских

[†] The publication was prepared as part of the implementation of the State Budget of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, state registration number of the project 122020100347-2.

¹ Здесь и далее в статье цитируются полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Южного федерального университета и Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук (хранятся на кафедре общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета) в следующие районы: Ростовская область: Азовский (2003 г., п. 72); Аксайский (1983 г.; п. 13); Багаевский (2002 г., п. 14), Боковский (1995 г., п. 12; 2010 г., п. 101), Верхнедонской (1992 г., п. 4), Волгодонской (1997 г., п. 19), Зимовниковский (2000 г., п. 23), Кагальницкий (2006 г., п. 110), Константиновский (1999 г., п. 27; 2023 г., п. 94), Морозовский (2009 г., п. 98), Обливский (1998 г., п. 116), Орловский (2006 г., п. 81), Семикаракорский (2008 г., п. 85а), Советский (2002 г., п. 49), Тарасовский (2003 г., п. 77), Усть-Донецкий (2007 г., п. 84а; 2010 г., п. 92; 2023 г., п. 87), Цимлянский (2000 г., п. 33), Шолоховский (1996 г., п. 67; 2002 г., п. 114); Волгоградская

казаков включают в себя описания народных и церковных обычаев, относящихся к Пасхе. Цель настоящей статьи – обращение к одному из компонентов этого праздника, выявление и анализ обрядовых и игровых практик с использованием пасхальных яиц, а также связанной с ними культурной терминологии.

К описанию пасхальной обрядности на территории бывшей Области войска Донского этнографы уже обращались: М.А. Рыблова дала общую характеристику праздника, выделив наиболее важные его черты с опорой на дореволюционные источники и собственные экспедиционные записи (Рыблова, 2014: 82-92); С.Ю. Пальгов и В.А. Шилкин представили вниманию читателей полевые материалы, собранные на территории Волгоградской области (Пальгов, Шилкин, 2020: 62-65), а Т.Ю. Власкина (Власкина, 2014) использовала данные о Пасхе для комплексного анализа письменного источника – памятной книжки-календаря для нижних чинов Российской армии «Пасха 1916 года», принадлежавшей казачьей семье Дьячихиных.

Однако в перечисленных работах недостаточно полно представлен материал по теме из той части Области войска Донского, которая сейчас входит в состав Ростовской области. Автору же представляется важным рассматривать названный выше регион как единую историко-культурную территорию, поэтому дальнейшая разработка темы видится перспективной. Основными источниками настоящего исследования выступили полевые материалы диалектологических и этнолингвистических экспедиций Ростовского государственного (Южного федерального) университета и Федерального исследовательского центра Южного научного центра Российской академии наук 1983–2023 гг. в казачьи

населенные пункты Ростовской и Волгоградской областей (в их числе и авторские сборы 2002–2023 гг.); словари донских говоров². Этот материал дополнен данными из опубликованных казачьих эго-документов, а также этнографических исследований.

Основная часть

Носителями традиционной культуры яйцо воспринимается как «средоточие витальной силы, символ плодородия», для его символики имеют значение среди прочего округлая форма, способность яйца катиться (Виноградова, 2012: 621). В традиции донских казаков, помимо других возможных контекстов, яйцо выступает главным атрибутом великого христианского праздника Пасхи. Анализируя донской материал, мы видим, как архаические культурные смыслы сохраняются и реализуются в локальном материале, как вокруг них выстраивается обрядовая терминология и ритуальные действия.

Упоминание окрашивания яиц входит в минимальный обязательный перечень действий, который характеризует празднование Пасхи в рассказах носителей традиции. Приведем несколько примеров:

«Паска ну как празднуется. Под неё пекуть пасхальны куличи, но у нас называют паски, красють яйца, потом пекуть пироги там мясом, с сыром, сладкие, это считается разговление, и у нас ходять на кладбище» (х. Арпачин, 2002 г.); *«А уж на Пасху-то пасхи пякли, святили пасхи и яички красили разными краскими»* (ст. Мигулинская, 1992 г.); *«А от Пасха отмеждалася, это пасхи пекли, яицки красили»* (ст. Красноярская, 2000 г.).

Как видим, описываемое действие на Дону называется общеупотребительным

область: Даниловский (2009 г., п. 96), Нехаевский (2008 г., п. 108), Новоаннинский (2010 г., п. 100), Сузовикинский (1993 г., п. 61), Урюпинский (2008 г., п. 107); Фроловский (2009 г., п. 96), Чернышковский (1998 г., п. 116; 2011 г., п. 102). При

упоминании полевых записей указывается населенный пункт и год экспедиции.

² См.: (Большой толковый словарь донского казачества, 2003; далее – БТСДК); (Словарь донских говоров Волгоградской области, 2011; далее – СДГВО).

словосочетанием *красить яйца*. При этом крашеные яйца редко получают собственное наименование в донских говорах. В некоторых населенных пунктах их называли словами *крашенки* (ст. Обливская, 1998 г., ст. Грушевская (Гончарова [Б. г.])) и *писанки* (г. Аксай, ст. Егорлыкская (БТСДК: 367), х. Медведев, Нижнеяблочный, Орлы (СДГВО: 420)), при этом обеими лексемами обычно назывались не расписанные, а равномерно окрашенные яйца, только в х. Антиповском отмечено обозначение лексемой *крашенка* яйца с пестрым рисунком, созданным с помощью обрезков ткани, примотанных к яйцу во время отваривания (Соколова, 1973: 38). Отметим также, что обе лексеммы фиксируются в южнорусских говорах, в том числе позднего образования (курских, рязанских, брянских, воронежских, саратовских, кубанских³ (СРНГ, т. 15: 205; т. 27: 44)), и в украинском литературном языке (Словарь украинского языка, 1958: 301).

Отваривать и красить яйца на Дону начинали в Чистый четверг. Наиболее частым способом окрашивания было отваривание яиц в луковой шелухе. Использовали и другие растительные красители: исландский мох (*бескорёшную травку* (ст. Обливская, 1998 г.), *бескоренку* (х. Семичный, Тормосин (СДГВО: 41)), кору бузины (х. Ярской, 2009 г.), траву кровохлебку, побеги ольхи (ст. Луковская, 2008 г.). По наблюдениям М.А. Рыбловой, могли также использовать васильковый отвар, морковный или свекольный сок (Рыблова, 2014: 82). В редких свидетельствах говорят о том, что яйца украшали надписями (х. Коса, 2003 г.). Примером последнего может служить фрагмент фронтального письма, написанного в 1915 г. казаком х. Мостового Г.С. Поповым жене Екатерине:

«Милая Катя, от трудов ваших я имел великое счастье получить пасхальные подарки от Бабкова. Какое счастье и как

они дороги тут. Боже мой, радость какая, когда вскрыл сумочку, увидел баночку, прочитал – консерва, далее еще баночка с ватой, открыл я и увидел, что за радость, 4 яичка разных красок, да еще с буквами Х.В.Д.Г. Я с удовольствием прочитал и поцеловал, заочно похристосовался с тобой, Катя. Они совершенно свежие, и мы с удовольствием их кушали» (Письма..., 2005: 140).

Освящали яйца утром, по окончании пасхальной литургии, вместе с пасхальными куличами, салом, иногда вином, маком. Наряду с этим считалось, что во время ночной службы пища освящается и вне церкви (пос. Зимовники, 2000 г.). В ст. Малодельской (2009 г.) и Сергиевской (2009 г.) пасхальные куличи – *паски* – и яйца рано утром выносили на воздух, «говорили, что всё это освящается».

Крашеные и освященные яйца входили в состав первой пасхальной трапезы – разговения. Кушали сразу после возвращения со службы. Праздничный стол включал в себя куличи-паски и в ряде станиц творожную пасху (Рыблова, 2014: 83), повсеместно – крашеные яйца, пироги, сало, мясные блюда. Особенностью пасхального стола было обилие кушаний, символизировавшее достаток и благоденствие семьи в будущем. Число яиц, которые готовили к празднику, также превосходило необходимое для еды количество: их кушали сами, обменивались ими с соседями и родственниками, раздавали на кладбище (особенно детям и старикам), нищим возле церкви, священнику и причту, которые ходили по дворам в преддверии праздника (х. Осинковский, 2002 г.) или после службы (ст. Нижнекундрюченская, 2007 г.), детям, обходившим дворы с поздравлением: «Христос воскрес!» (пос. Чернышковский, 2011 г.; х. Конопья (Пальгов, Шилкин, 2020: 64)), пастуху (ст. Новогригорьевская (Рыблова,

³ См.: (Словарь русских народных говоров, 1965; далее – СРНГ).

2014: 91)). В ст. Красноярской в 2000 г. рассказывали: «Обязательно при этом яиц много-много красили. Прицём рассчитывали не только на всю семью, в щетыре, в пять раз на каждую, ну чтобы угостить соседей... Каждый обязательно минимум по яйцу должен дать... До Иисуса Христа дойдёт, если яйцо хто даст».

В одном из документов конца XVIII в. куриные яйца перечисляются среди других продуктов, которые станичные атаманы обязаны были доставить к Пасхе в войсковое правление:

«Предложение от Мигулинской до Клетской станиц станичным атаманам и казакам. К наступающему празднику Пасхи Христовой на продовольствие мое с находящимися при мне имеете вы, господа станичные атаманы и казаки, с посланными при сем доставить на войсковой двор в Казанку от каждой станиц ваших по два четверика пшеничной муки, пшена, арженой муки и солоду по одному четверику, соли, масла коровьего по десять фунтов, по одному свиному окороку и по одной середки витчины, живых курей по три пары, куриных яиц по пятидесяти» (Акты..., 1900: 172).

Яйцами играли всю пасхальную неделю, причем старинным словом *пай* могли называть одну из равных долей – число яиц, которые получал в свое распоряжение каждый член семьи (х. Алимовский (Соколова, 1973: 37)). Мужчины использовали их в качестве призов за выигрыш в карточной игре (пос. Нижний Чир, 1993 г.) и игре в орла (ст. Староаннинская (Рыблова, 2014: 91)), девушки – как один из компонентов складчины для коллективной пасхальной трапезы (Статистическое описание..., 1884: 318)⁴. Яйца могли как есть по отдельности, так и добавлять в особое праздничное

блюдо, в котором смешивали всю освященную еду (х. Аржановский, 2002 г.). Общеславянский обычай разделять освященное яйцо между всеми членами семьи (Агапкина, Белова, 2012: 628) сохранился на Дону в ст. Нижнекундрюченской и был зафиксирован в 2007 г.: старшая женщина в семье делила освященную паску и яйца по количеству членов семьи, и домочадцы, перекрестившись, начинали трапезу с этой пищи.

После разговения шли на кладбище, часто всей семьей (рис. 1).

Крашенные яйца (в том числе освященные) были обязательной частью снеди, которую брали с собой на могилки для поминальной трапезы и раздачи детям и другим пришедшим на кладбище. В г. Морозовске в 2009 г. говорили: «Обязательно раздаешь и не берешь так, чтоб на могилку на свою, а обязательно берешь и с запасом. И тебе точно так же». Детям отводилась особая роль в пасхальных поминальных практиках. Респонденты рассказывают о том, как «на Паску бегали, собирали яйца мешками» (х. Казачий Ерик, 2003 г., то же в ст. Малодельской, 2009 г., х. Ярском, Донском, 2009 г., х. Ещеулове, 2010 г. и др. населенных пунктах) (рис. 2).

Само посещение кладбища в первый (в ст. Шумилинской – во второй или третий) день Пасхи может обозначаться в говоре словосочетанием *похристоситься с родителями* – актуализируется семантика приобщения предков к празднованию воскресения Христа, характерная для различных терминов и ритуальных действий пасхального цикла у восточных славян. В ряде населенных пунктов (ст. Грушевская, 1983 г., х. Крюков, 1999 г., х. Дубы, ст. Митякинская, х. Коса, Казачий Ерик, Донской, 2003 г.; х. Свиридов, 2010 г., х. Коньгин, 2010 г.) упоминалось архаичное катание яиц по могилке крестом (рис. 3).

⁴ Вопросам половозрастного символизма при казачьем праздновании Пасхи уделяет особое внимание в своем труде М.А. Рыблова (Рыблова, 2014).

Рис. 1. Посещение кладбища на Пасху, х. Ешеулов Усть-Донецкого района Ростовской области, 2010 г., фото Т.Ю. Власкиной

Fig. 1. Easter visit to the cemetery, hamlet of Eshcheulov, Ust'-Donetsk District, Rostov Region, 2010, photo by T. Yu. Vlaskina

Рис. 2. Дети на кладбище, х. Коныгин Усть-Донецкого района Ростовской области, 2010 г., фото Т.Ю. Власкиной

Fig. 2. Children at the cemetery, hamlet of Konygin, Ust'-Donetsk District, Rostov Region, 2010, photo by T. Yu. Vlaskina

Также яйца крошили на могилке:
«...птички прилетают и клюют, прове-

дывают родителей наших» (ст. Кагаль-
ницкая, 2006 г., то же в х. Бобры (Пальгов,
Шилкин, 2020: 64)).

Рис. 3. Катание яйца по могилке на Пасху, х. Коньгин Усть-Донецкого района Ростовской области, 2010 г., фото Т.Ю. Власкиной
Fig. 3. Rolling an egg over a grave on Easter, hamlet of Konygin, Ust'-Donetsk District, Rostov Region, 2010, photo by T. Yu. Vlaskina

В рассказах об этом также присутствует семантика совместного с покойниками действия: «[Яйца по могилке] катали. Покатал и положил, вроде и им достанется» (х. Коса, 2003 г.); «На Святую мы и на кладбище ходили. Ещё на моей памяти говорили, не ходить, родителей дома ждать. А мы уж всегда ходили похристоситься с родителями. Там же тоже сядем, покушаем, ящико по могилке покатаем» (х. Крюков, 1999 г.).

В сообщениях информантов указывается порядок действий во время пасхального посещения кладбища: сначала катали яйцо по могиле, потом отдавали его детям или старикам (х. Казачий Ерик, 2003 г.).

⁵ По рассказам респондентов, игры с яйцами, как и посещение кладбища, могли быть приурочены не

«Если некому дать, там положишь, и пошёл» (ст. Грушевская, 1983 г.). Яйца детям могли раздавать для поминовения умерших и вне кладбища. Вот рассказ из ст. Верхнекундрюченской 2007 г.: «Обязательно яйца красили. Это мама, бывало, у ней три мальчишка же помёрли и большие же были. Она от сядя над калиткой, сто яиц сядя красили. Она уж старенька, не дойдёт туда, на это [кладбище]... Она сидит, тут усех детей, усех прохожих угощае, особенно детошек».

После возвращения с кладбища начинались гуляния и игры⁵, в которых участвовали станичники и хуторяне всех возрастов. Наиболее часто при рассказе о Пасхе

только к самому Пасхальному дню, но и к следующему воскресенью после Пасхи – Красной горке и

респонденты упоминают игры с пасхальными яйцами. Их устойчивость и разнообразие отразились в развернутой терминологии, различающейся в населенных пунктах исследуемого региона.

Первой рассмотрим игру, во время которой *бились* острыми концами яиц. Разбивший яйцо соперника забирал себе оба. В ряде диалектных названий игры нашло отражение ее основное действие, передающееся лексемой *биткаться* (ст. Казанская (БТСДК: 45)), встречающейся в том же значении в курских⁶ (СКГ, 1999: 81) и кубанских говорах. На Дону для обозначения этой игры также используются словосочетания *стучать* (ст. Луковская, 2008 г.), *бить яйцами* (х. Коса, 2003 г.), *бить навбитка́ (навбитки)* (ст. Елизаветинская, Александровская, Аксай, Егорлыкская, Мечетинская (БТСДК: 297)), *играть в бойки* (ст. Гундоровская (Сполох [Б. г.])). Название может также содержать указание на часть яйца, задействованную в игре, – его острый конец (*носочек*) в наименовании *играть в носочки* (ст. Вёшенская (БТСДК: 195)).

Этот тип игры с пасхальными яйцами имеет общеславянское распространение и раньше других был зафиксирован в документах. Так, согласно данным, которые приводят И.А. Морозов и И.С. Слепцова (Морозов, Слепцова, 2004: 668), первые ее упоминания относятся к 1590 г. Наиболее распространена она и в донском регионе. Чаще всего в связи с этим видом игры вспоминают и о жульничестве (х. Коса, 2003 г., пос. Орловский, 2006 г., ст. Луковская, 2008 г.), когда игрок использовал деревянное яйцо, называемое *подкладыш*, – его обычно подкладывали курице, чтобы она несла яйца в одном и том же месте. Также могли специально выбирать для игр яйца с более прочной скорлупой – от молодых кур (пос. Чернышковский, 2011 г.).

другим дням пасхального периода. Более подробное рассмотрение обычаев, приуроченных к датам, следующим за Пасхальным днем, автор оставляет за рамками настоящей статьи.

Во время второго способа пасхальной игры *сбивали яйца*, сложенные в кучку (х. Красный (СДГВО: 239)), выставленные в ряд (х. Солонецкий, 1998 г., г. Константиновск, 2023 г., ст. Верхнекундрюченская, 2023 г., х. Морской, Моховский (СДГВО: 239)) или попарно (х. Бубновский, 2008 г., х. Большой, ст. Малодельская (СДГВО: 239, 688), ст. Слащевская (Пальгов, Шилкин, 2020: 65), х. Затонский (Рыблова, 2014: 91)), с помощью мягкого мяча, реже другого крашеного яйца (х. Морской (СДГВО: 239)). В одном из вариантов два участника игры садились друг напротив друга и катили яйца в сторону противника (пос. Чернышковский, 2011 г.). Во всех случаях сбитые яйца выигравший забирал себе. Такая игра называлась *катать яйца (яички, яйцами)*. Данное наименование, как и одно из названий предыдущей разновидности игры, мотивировано глаголом, называющим основное игровое действие – катить, которое в традиционной культуре является символически нагруженным, обладающим комплексом значений, и прежде всего продуцирующих (Агапкина, 1999: 477). Примечательно: несмотря на то что объектом действия в терминологическом словосочетании выступают яйца, катят по земле чаще всего другой предмет, называемый в говоре *каток*, – шерстяной или матерчатый мяч (х. Ближнемельничный (СДГВО: 239), х. Соломатин (Пальгов, Шилкин, 2020: 65), есть также в этом значении в рязанских говорах (СРНГ, т. 13: 131)). В говоре ст. Обливской мяч для пасхальных игр с яйцами называли *шептун* (1998 г.). Свидетельства о том, что яйца, выставленные на расстоянии от игрока, пытались сбить другим крашеным яйцом, также называвшимся *каток*, встречаются реже (ст. Казанская, Пугачёвская (БТСДК: 212)).

⁶ См.: (Словарь курских говоров, 1999; далее – СКГ).

Процесс игры мог комментироваться эмоциональными возгласами. Так, в х. Крюкове: «*Колтак шила!*» – говорили о девушке, не попавшей в выставленные яйца (1999 г.). В ст. Обливской специальное обозначение получала победа игрока: «*Шлыцку поймали!*» – *шлычкой* называли и тупой конец яйца, а «*расшить яйцо*» значило ‘сбить его другим’ (1998 г.). Хотелось бы обратить внимание на то, что в перечисленных игровых формулах фигурирует терминология, связанная с обозначением женских головных уборов. Так, *шлычкой* в донских говорах называют «головной убор замужних казачек, надеваемый на пучок волос, небольшую шапочку» (БТСДК: 594). Сходное значение имеет на Дону и слово *колтак*, которым называют «головной убор замужней казачки, круглую с ободком шапочку из тонкой шелковой ткани с вышивкой или вязаную шелковую повязку, которые надевались на косы, уложенные в узел на затылке» (БТСДК: 227). Представляется, что при подобной номинации на первый план выходит такой символический признак яйца, как шаровидная форма, и здесь яйцо уподобляется женской голове. Аналогии подобным, достаточно редким (в том числе на Дону) формулам в других говорах автору пока обнаружить не удалось.

В ходе пасхальных игр яйца могли *скатывать по наклонной плоскости* – специально сооруженной насыпи, горе песка или земли (пос. Нижний Чир, 1993 г., пос. Орловский, 2006 г., х. Козлиновский, 2010 г., х. Алёшкин, 2011 г., ст. Клетская (СДГВО: 239)), лотку, сделанному из коры (ст. Филоновская (БТСДК: 239), х. Соломатин (Пальгов, Шилкин 2020: 65)), или по дощечке (пос. Нижний Чир, 1993 г., х. Синяпкин, 1998 г., ст. Багаевская, Вёшенская (БТСДК: 212); х. Салтынский (СДГВО: 239)), лотку, установленному на рогатой палке (ст. Алексеевская (СДГВО: 239)). Целью было сбить яйца, выложенные внизу. Сбитые яйца выигравший забирал себе. Или пускали яйца с горы (яйцо каждого игрока было помечено): чье яйцо разобьется, тот проиграл (х. Малотерновой, 1998 г.).

Такая игра в разных районах Ростовской и Волгоградской областей называлась *в битка* (ст. Вёшенская (БТСДК: 45)), *в подбитка* (х. Морской (СДГВО: 239)), *навкатка* (ст. Мечётинская (БТСДК: 297)), *в катки*, *каток*, *каточки* (ст. Багаевская, Вёшенская (БТСДК: 212)), *каток* (ст. Букановская, х. Петровский, ст. Усть-Хоперская (СДГВО: 240)), *лубок* (ст. Филоновская (БТСДК: 269)). В приведенных наименованиях мы также видим мотивационную связь с основным действием игры (яйцо катится, яйца бьются одно о другое), а также метонимический перенос: предмет, используемый в игре, – игра (*лубок*).

Употребление слова *каток* для обозначения яйца, используемого в такой пасхальной игре, зафиксировано также в рязанских и кубанских говорах (СРНГ, т. 13: 131). А игры с использованием лубяного желоба или дощечки для праздничного катания яиц и соответствующие наименования известны также в Вологодской области (Морозов, Слепцова, 2004: 671-673), новгородском и псковском регионах (СРНГ, т. 17: 173). И эта небольшая деталь выводит нас в область исторических вопросов о происхождении казачества и метропольных для него территориях. Если связь населения Дона с южнорусскими губерниями, которую мы видим, в том числе, на примере терминологии пасхальных игр с крашеными яйцами, подтверждается и документальными данными о переселении казаков на Дон, то устойчивая корреляция донской и северо-западной лексики (ср. данные: (Флягина, 2004: 6)) пока находит ограниченное соответствие процессам миграции с северо-запада на юг, отраженным в исторических источниках.

Следующий способ игры заключался в том, что яйцо *катали по ровной поверхности, стараясь попасть в лунку*:

«На Пасху яйца катали. Делали ровную такую площадку на зямле, а на этой площадке делали такие малинькие яйцейки, в земле. А рядом – вторую ямоцку, а рядом – третью, рядом – четвёртую, по одной линии. Эта яйцеешка – яво, эта – твоя,

эта моя, эта Ванькина, эта Мишкина. И вот у каждого яйца крашеные. И вот мы стоим тут над этим, мы стоим рядом с этими ямоцками и катаем яйца. Знаем, что эта моя. Вот если в мою я, примерно, покати. Они пустые же сейчас, и яйцо попало в яво яйцу. Он забирает, яйцо забирает. И потом второй катает, третий катает – по очереди» (х. Солонецкий, 1998 г., также фиксировалась в ст. Вёшенской, 1996 г., х. Горине (Пальгов, Шилкин, 2020: 65)).

Такую игру тоже называли *в катка играть* (ст. Мечётинская (БТСДК: 212)).

Во время коллективных игр с яйцами очередь вступления в игру определяли жеребьевкой. В районах большой излучины Дона (ст. Обливская, 1998 г., х. Зимняцкий, Кепинский (СДГВО: 344)) сохранился локально специфичный способ деления играющих на группы: женщина, называемая в игре *наседкой*, собирала все яйца в фартук и раскладывала их по парам, определяя, кто с кем будет играть.

Наконец, в последнем варианте игры яйца прятали в куче пыли, земли, в соломе (пос. Нижний Чир, 1993 г., ст. Обливская, х. Синяпкин, 1998 г., х. Бобры, Соломатин (Пальгов, Шилкин, 2020: 65), х. Ближнемельничный (СДГВО: 435), х. Дурновский (Рыблова, 2014: 91)), а потом отгадывали, в какой кучке больше яиц или где спрятаны яйца. Это называлось *играть в подкучки* – термин, мотивированный существительным, называющим место, где прячут яйца. Такой вариант игры был наиболее распространен в населенных пунктах в районе устья реки Чир.

Крашеные яйца становились атрибутом ритуальных действий и по завершении пасхального праздника. Особое значение придавали остаткам пасхальной трапезы, в том числе несъеденным пасхальным яйцам и яичной скорлупе. Во многих районах рассказывали о том, что священное яичко обязательно клали в красный угол к иконам (рис. 4), где оно лежало до следующей Пасхи.

Рис. 4. Пасхальное яйцо в святом углу, ст. Глазуновская Кумылженского района Волгоградской области, 2009 г., фото Н.А. Власкиной

Fig. 4. An Easter egg in the holy corner of the house, Glazunovskaya stanitsa, Kumylzhenskaya District, Volgograd Region, photo by N. A. Vlaskina

С ними были связаны чудеса: спустя сорок дней после Пасхи (ст. Елизаветинская, х. Донской, 2003 г.) или другой большой срок (х. Островянский, 2006 г.) такое яйцо пробовали, и оно оставалось неиспорченным. Несъеденное пасхальное яйцо нельзя было выбрасывать, нужно было «закопать в землю в своём дворе» (ст. Елизаветинская, 2003 г.); через год, в следующую Пасху, старое яйцо бросали в воду, а новое клали в святой угол (х. Потапов, 1997 г.). Старое свяченное яйцо отдавали курам, чтобы они лучше неслись, цыплятам, чтобы хорошо росли (х. Островянский, 2006 г.). Скорлупу от свяченных яиц пускали по воде (ст. Вёшенская, 1996 г., х. Донской, 2003 г., ст. Нижнекундрюченская, 2007 г.), закапывали под дерево (ст. Кочетовская, 2008 г.).

Пасхальные яйца использовали как апотропей – для защиты огорода от медведки, нужно было разделить свяченное пасхальное яйцо и скорлупу и с молитвой закопать в четырех углах огорода (ст. Елизаветинская, 2003 г.). Для обеспечения урожая свяченное яйцо рассыпали по полю во время первого выезда (х. Грачев, 1995 г.). Верили, что таким яйцом можно потушить пожар (х. Верхнекалининский, 2002 г.), в том числе возникший от молнии (х. Рубежинский, 2002 г., х. Островянский, 2006 г.). По зафиксированному в х. Алитуб свидетельству, куриные яйца клали в гроб умершим на Пасху (Власкина, 2023). Перечисленные ритуальные практики, зафиксированные в донском регионе, находят параллели и на других восточнославянских территориях (Агапкина, Белова, 2012: 629-630).

Заключение

Подводя итог представленному исследованию, отметим, что ритуальные и повседневные практики с использованием пасхальных яиц на сегодняшний день представляют собой компонент празднования Пасхи, сохранившийся лучше других. Большинство респондентов, рассказывавших о Пасхе на всей территории бывшей Области войска Донского, упоминают те или иные сведения о пасхальных яйцах. Не-

которые из рассмотренных игровых и обрядовых действий (например, игра в битье яиц или принесение яиц на могилу в один из дней пасхального периода) имеют широкое восточнославянское распространение и востребованы в настоящее время. Другие, являясь характерными для достаточно широкого ареала в прошлом, в настоящее время фиксируются sporadически, свидетельствуя о сохранении в этих населенных пунктах архаичной символики яйца (например, катание яиц по могилам).

Анализ обрядовой терминологии пасхальных игр говорит о разработанности соответствующего лексико-семантического поля и хорошей сохранности соответствующей группы представлений в культуре донского казачества. Собранные языковые и этнографические сведения о пасхальных играх позволяют проследить языковые и исторические связи донского населения и жителей других южнорусских регионов: Воронежской, Курской, Рязанской губерний, Кубани, в то же время предоставляя материал для сопоставления традиций юга и северо-запада России. Наряду с этим, в говоре оказываются зафиксированы и типично донские варианты игр и их элементов. Среди них распределение яиц между игроками, эмоциональные возгласы во время катания яиц и др.

Собранные сведения позволяют детализировать представления о традиционной культуре донского казачества и дать материал для выполнения как локальных, так и межрегиональных исследований.

Сокращения

БТСДК – Большой толковый словарь донского казачества;

п. – папка;

СДГВО – Словарь донских говоров Волгоградской области;

СКГ – Словарь курских говоров;

СРНГ – Словарь русских народных говоров.

Источники

Большой толковый словарь донского казачества / ред.: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова,

Б.Н. Проценко, О.К. Сердюкова. М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. 608 с.

Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брыкина, В.И. Супрун; под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград: Издатель, 2011. 704 с.

Словарь курских говоров. Вып. I: А (Абала) – Б (Бяша): Уч. пос. / сост. Л.О. Занозина, Л.И. Ларина. Курск: Издательство Курского государственного педагогического университета, 1999. 124 с.

Словарь русских народных говоров. Вып. 1 / сост. Ф.П. Филин. М.; Л.: Наука, 1965. 308 с.

Словарь украинского языка: В 4 т. Т. 2 / под ред. Б.Д. Гринченко. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1958.

Литература

Агапкина, Т.А. Катать(ся) // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2: Д – К (Крошки). М.: Международные отношения, 1999. С. 477-483.

Агапкина, Т.А., Белова, О.В. Яйцо пасхальное // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 626-632.

Акты, относящиеся к юридической и бытовой стороне Донских казаков // Памятная книжка Области войска Донского на 1900 год. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1900. С. 170-186.

Виноградова, Л.Н. Яйцо // Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2012. С. 621-626.

Власкина, Т.Ю. Комплекс погребений XIX – середины XX вв. курганного могильника «Алитуб-IV»: этнографический комментарий // Проблемы ранней истории казачества. Мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 14–15 марта 2023 г.: Сб. науч. статей. Ростов-на-Дону: ОКН-проект, 2023. С. 23-43.

Власкина, Т.Ю. Пасхальное поздравление императрицы: долгий век одной семейной реликвии // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 8. К 60-летию профессора Э.Г. Вартаньян / науч. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар: Экоинвест, 2014. С. 354-359.

Гончарова, Т. Грушевка [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2015/04/05/522> (дата обращения: 23.10.2023).

Морозов, И.А., Слепцова, И.С. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М.: Индрик, 2004. 920 с.

Пальгов, С.Ю., Шилкин, В.А. Календарные обряды Волжского Понизовья и Подонья (по материалам фольклорных экспедиций). Волгоград: [Б. и.], 2020. 169 с.

Письма времен действительной военной службы Г.С. Попова и другие // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2 / под ред. О.В. Матвеева. Краснодар: Мир Кубани, 2005. С. 96-180.

Рыблова, М.А. Календарные праздники донских казаков. Волгоград: Издатель, 2014. 168 с.

Соколова, А.П. Казаки Ермаковы. Запись о былом. Нью-Йорк: Издание Казачье-Американского народного союза, 1973. 256 с.

Сполох, С. История станицы Гундоровской. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20220128231114/https://proza.ru/2019/04/19/2005> (дата обращения: 17.10.2023).

Статистическое описание Области войска Донского / сост. С.Ф. Номикосов. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1884. 761 с.

Флягина, М.В. Лингвогеографическое исследование ландшафтной лексики донских говоров: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 23 с.

Sources

Degtyarev, V. I., Kudryashova, R. I., Protsenko, B. N. and Serdyukova, O. K. (eds.) (2003), *Bolshoy tolkovy slovar donskogo kazachestva* [A large explanatory dictionary of the Don Cossacks], Russian slovari, Astrel, AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Filin, F. P. (comp.) (1965), *Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1* [Dictionary of Russian folk dialects. Iss. 1], Nauka, Moscow, Leningrad, USSR (in Russ.).

Grinchenko, B. D. (ed.) (1958), *Slovar ukrainskogo yazyka: V 4 t. T. 2* [Dictionary of the Ukrainian language: In 4 vols. Vol. 2], Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, Kiev, USSR (in Ukr. and Russ.).

Kudryashova, R. I. (ed.) (2011), *Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary

of Don dialects of the Volgograd region], Izdatel, Volgograd, Russia (in Russ.).

Zanozina, L. O. and Larina, L. I. (comp.) (1999), *Slovar kurskikh govorov. Vyp. I: A (Abala) – B (Byasha): Uchebnoe posobie* [Dictionary of Kursk dialects. Iss. I: A (Abala) – B (Byasha): Study guide], Publishing House of Kursk State Pedagogical University, Kursk, Russia (in Russ.).

References

Agapkina, T. A. (1999), “Roll”, *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar: V 5 t. T. 2: D – K (Kroshki)* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols., Vol. 2: D – K (Kroshki)], in Tolstoy, N. I. (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia, 477-483 (in Russ.).

Agapkina, T.A. and Belova, O. V. (2012), “Easter Egg”, *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar: V 5 t. T. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols., Vol. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)], in Tolstoy, N. I. (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia, 626-632 (in Russ.).

“Acts related to the legal and everyday life of the Don Cossacks” (1900), *Pamyatnaya knizhka Oblasti voyska Donskogo na 1900 god* [Memorial book for the Don Host Oblast for 1900], Oblastnaya Voyska Donskogo Tipografiya, Novochoerkassk, Russia, 170-186 (in Russ.).

Goncharova, T. *Grushevka* [Online], available at: <https://proza.ru/2015/04/05/522> (Accessed 23 October 2023) (in Russ.).

Flyagina, M. V. (2004), “Linguogeographical Study of Landscape Vocabulary of Don Dialects”, Abstract of Ph.D. dissertation, Rostov-on-Don, Russia (in Russ.).

“Letters of G. S. Popov from the Times of Active Military Service and Other Periods” (2005), *Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Vyp. 2* [The World of Slavs from the Northern Caucasus. Iss. 2], in Matveev, O. V. (ed.), *Mir Kubani*, Krasnodar, Russia, 96-180 (in Russ.).

Morozov, I. A. and Sleptsova, I. S. (2004), *Krug igry. Prazdnik i igra v zhizni severnorusskogo krestyanina (XIX–XX vv.)* [The Circle of Game. The Holiday and the Game in the Life of the Peasant the European North of Russia (19th-20th Centuries)], Indrik, Moscow, Russia (in Russ.).

Nomikosov, S. F. (comp.) (1884), *Statisticheskoe opisanie Oblasti voyska Donskogo* [Statistical description of the Don Host Oblast], Oblastnaya Voyska Donskogo Tipografiya, Novochoerkassk, Russia (in Russ.).

Palgov, S. Yu. and Shilkin, V. A. (2020), *Kalendarnye obryady Volzhskogo Ponizovya i Podonya (po materialam folklornykh ekspeditsiy)* [Calendar Rites of the Lower Volga and Don Regions (Based on the Materials of the Folkloric Expeditions)], [S. n.], Volgograd, Russia (in Russ.).

Ryblova, M. A. (2014), *Kalendarnye prazdniki donskikh kazakov* [Calendar Feasts of the Don Cossacks], Izdatel, Volgograd, Russia (in Russ.).

Sokolova, A. P. (1973), *Kazaki Ermakovy. Zapis o bylom* [The Ermakovs Cossacks. Record of the Past], Publication of the Cossack-American Peoples Union, New York, USA (in Russ.).

Spolokh, S. *Istoriya stanitsy Gundorovskoy. Ch. 2* [History of the village (stanitsa) Gundorovskaya. Part 2], [Online], available at: <https://web.archive.org/web/20220128231114/https://proza.ru/2019/04/19/2005> (Accessed 23 October 2023) (in Russ.).

Vinogradova, L. N. (2012), “Egg”, *Slavyanskie drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar: V 5 t. T. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols., Vol. 5: S (Skazka) – Ya (Yashcheritsa)], in Tolstoy, N. I. (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya*, Moscow, Russia, 621-626 (in Russ.).

Vlaskina, T. Yu. (2023), “Complex of burials of the 19th – mid-20th centuries. The burial mound “Alitub-IV”: an ethnographic commentary”, *Problemy ranney istorii kazachestva. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Rostov-na-Donu, 14-15 marta 2023 goda: Sbornik nauchnykh statey* [Problems of the Cossack early history. Proceedings of the interregional scientific and practical conference, Rostov-on-Don, March 14-15, 2023: collected articles], OKN-Proekt, Rostov-on-Don, Russia, 23-43 (in Russ.).

Vlaskina, T. Yu. (2014), “Easter greetings from the Empress: the long life of a heirloom”, *Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Vyp. 8. K 60-letiyu professora E. G. Vartanyan* [The World of Slavs of the Northern Caucasus. Iss. 8: To the 60th anniversary of professor E. G. Vartanyan], in Matveev, O. V. (ed.), *Ekoinvest*, Krasnodar, 354-359 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Власкина Нина Алексеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории филологии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, пр. Чехова, д. 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия; nvlaskina@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3246-6270

ABOUT THE AUTHOR:

Nina A. Vlaskina, Candidate of Philology, Senior Researcher, Laboratory of Philology, Southern Scientific Centre (Federal Research Centre) of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation; nvlaskina@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3246-6270